

Перевод в ботанике и «ботаника перевода»

Тхагапсоев Х.Г., Паритов А.Ю.

Каждая историческая эпоха имеет обыкновение питать уважение, ценить и выделять некие виды занятий. Некогда (скажем, в эпоху Античной Греции) философия считалась таковой преклонение перед ней было глубоким и всеобщим. Затем грянули времена, когда особое восхищение стало вызывать рыцарское искусство. Позже главными героями приключенческой литературы, объектами обожания романтической молодежи и примером для повального подражания стали путешественники, «первооткрыватели», «естествоиспытатели», а еще позже космонавты, но, увы, ненадолго.

Сегодня жизнь человека настолько усложнилось, а виды его деятельности настолько многообразны, что трудно, если вообще возможно, выделить занятие или деятельность «особого восхищения». К тому же современный человек в плену у текущего времени, его бешеных ритмов. Он захвачен и оглушен информационными потоками, их водоворотами, он разве что вскользь намекнет на сложность неких сфер занятий, вроде искусственного интеллекта, астрофизики, синтеза лекарственных препаратов или материалов инженерного назначения с наперед заданными свойствами. Ведь ему даже «героев» для восхищения подражания выбирает и назначает YouTube.

Между тем, человека на всем протяжении его цивилизационного пути тихо, скромно и незаметно сопровождает одна из труднейших видов деятельности – перевод, перевод с одного языка на другой – деятельность переводчика. Да, перевод с языка на язык на уровне бытового общения доступен многим людям, едва ли ни каждому. Кто же здесь станет восхищаться? Однако стоит только попробовать перевести, скажем, сказку Ершова «Конек-Горбунок» или стихи Есенина на кабардинский (балкарский, чеченский, осетинский, табасаранский...) язык, вы тут же обнаружите, как невероятно трудна и сложна переводческая деятельность. Но наслаждаясь сонетами Шекспира, поражаясь глубиной трагедий Шиллера, заливаясь в хохоте слезами от юмора Сервантеса (при том, что не говорим ни по-английски, ни по-немецки, ни по-испански, поскольку не владеем ими), мы практически никогда не задумываемся об имени, труде и таланте переводчика, который открыл нам все это; открывает для нас и каждый день великие творения культуры и мысли на самых разных языках. В этом смысле масштаб несправедливости нашего отношения к переводчику, его крайне сложному труду поразителен.

Возможно, читателю уже не терпится узнать, к чему все эти «рассуждения и пред послания». Дело в том, что речь далее пойдет о книге весьма редкого, в данном случае, в условиях КБР, просто уникального жанра о трех язычном, русско-кабардино-латинском эколого-ботаническом словаре классификации и систематизации растительного мира, созданном профессором С.Х. Шхагапсоевым [1]. Подчеркнем сразу, речь идет не о популярном повествовании «на родном языке о растительном мире родной природы». Вовсе нет перед нами научно-терминологический словарь идентификации, классификации и кодификации растительного мира, построенный в строгом соответствии с общепринятыми академическими критериями и принципами ботанической систематики, восходящими к идеям, мыслям и трудам К. Линнея. Возможно, скептический читатель здесь воскликнет «И что же?». И напрасно, если такой читатель найдется, это будет просто несправедливо.

Дело в том, что любой мало-мальски сложный перевод, а тем более – перевод научных текстов и научной терминологии всегда выходит далеко за пределы перевода и переводческой деятельности (непростой сама по себе), вторгаясь в сложную и рискованную сферу словотворчества; пускаясь, как говорят в таких случаях «с головой», в изобретение, творения, создание и вживление в ткань языка новых слов, понятий и смыслов, коих доселе не было в этом языке. В этом плане очень показательна широко известная история появления в русском языке ныне всем привычного слова «влияние». Этого очень-очень русского слова не было и в помине, как говорится, вплоть до 18 века. И его появлением мы все (и русский язык, разумеется) обязаны больше всего М.Ю. Ломоносову и его научным занятиям по химии, где «вливание нечто во что-то» всегда имеет осязаемое, а порой выдающееся воздействие и, конечно же, столь же выдающиеся последствия. Вот так прямо с рук Ломоносова в русский язык пришло новое слово «вливание», выражавшее конкретное воздействие нечто на что-либо, влекущее значимые последствия. Однако процесс обогащения русского языка новым словом на этом не завершилось потребовалось еще немало времени, чтобы в русском языке «вливание», трансформировалось в элегантное «влияние», в слово не только более благородного звучания, но и куда более абстрактного плана. И происходило все это под влиянием латинского слова «инфлюенция» (как в ту пору выражали тонкое или нематериальное воздействие чего-либо на что-либо). Но и на этом процесс рождения нового слова не закончился – потребовалось еще немало времени, чтобы преодолеть в русском языке синонимичное сосуществование слов «вливание» и «влияние» и чтобы наконец слово «влияние» отправилось в самостоятельное житие. Вот об этих, ныне забытых временах синонимичного бытия слов «влияние» и «вливание» свидетельствует великое пушкинское наследие, в частности- его известное стихотворение «Дельвигу» (написанное уже 1817г.). Вот строки сих стихов:

«... и мне богини песнопенья
Еще в младенческую грудь
Влияли искру вдохновенья. . .»

Так и получается, буквально богини «вливали» искру вдохновения в грудь, то-бишь в сердце поэта.

Вот так русский язык в муках словотворчества описывал и выражал в ту пору возвышенное воздействие муз на великого Пушкина.

Но вернемся к предмету нашего анализа – к трех язычному эколого- ботаническому терминологическому словарю систематизации живого мира.

Мы, разумеется, не беремся судить в деталях о том, как был организован и как происходил сложный, трудоемкий и кропотливый процесс создания этого словаря. Однако очевидно, главные затруднения автора были сопряжены вовсе не с ботанической или экологической науками, а с лингвистикой и филологией, с соотношением ботаники и экологии с культурой и языком адыгов, а в этом контексте с изысканием и творением слов на кабардинском языке и для кабардинского языка, пригодных для систематики сложного растительного мира. Ведь по оценкам современной науки на Земле сегодня насчитывается около 400 000 видов растений, в числе коих около 200 тысяч одомашненных, т.е. бытующих рядом с нами денно и нощно. Но как все это наречь, описать и систематизировать, если наличные средства (количество слов, коими он располагает кабардинский

язык) явно недостаточны? Например, в существующих на сегодня кабардино-русских (или русско-кабардинских) словарях базовый запас слов не превышает 25- 40 тысяч. И только в орфографическом словаре кабардино-черкесского языка Х.Ш. Урусова, и Л.Х. Захохова приводится (вместе с синонимами, заметим) около 90 тысяч. Но и этого явно недостаточно, чтобы решить задачу, которую ставит автор перед собой. Неудивительно, что ключевые и отправные разделы рассматриваемого словаря, которые призваны создать и выстроить научно-методологические основы эколого-ботанического словаря посвящены... куда больше языковым, культурологическим и филологическим вопросам, а не содержательной проблематике (скажем теории систематики растительного мира) ботанической или экологической науки. Вот примеры в подтверждение сказанного: «фитонимы в кабардино-черкесском языке», «эколого-географические категории в эпосе «Нарты», «археофиты в эпосе «Нарты», «кабардино-черкесские фитонимы и ботаническая номенклатура», «жизненная форма растений в кабардино-черкесском языке», «плоды растений в кабардино-черкесском языке» [1, с. 4-78]. Как видим, автор последовательно и основательно примеряет кабардинский язык к ботанико-экологической научной систематике, а по сути, поднимает язык до логики и структуры этой систематики. В этом контексте и самые цитируемые автором литературные источники тоже относятся не к биологической или экологической науке, а к кабардинской филологии, этнологии, культурологии. Так, 6 ссылок приходится на труды М. Апажева, по 4 – на работы Кушхова и Хакунова, 3 – на публикации Шагирова. Но при этом ни один из биологов или экологов не удостоился столь частого упоминания (если не считать самого автора, который давно «болеет» рассматриваемой проблемой и имеет множество публикаций, посвященных именно соотношению кабардинского языка с растительным миром).

Вот здесь мы подошли к главной, ключевой, на наш взгляд, особенности анализируемого словаря. В чем же эта особенность? Дело в том, что формально мы имеем дело с эколого-ботаническим словарем, каковых в общем много, поскольку в мире много языков. Так что для затрагиваемых здесь наук, для биологии и экологии, появление подобных словарей обычное, регулярное событие и явлением «из ряда вон» не является. Другое дело, появление рассматриваемого словаря в культуре КБР и в пространстве кабардинского языка. Это уже культурное, культурологическое и лингвистическое событие национального масштаба, культурное явление особой значимости. Речь фактически идет о научно-культурной акции обогащения (если угодно оплодотворения) кабардинского языка языками наук, а точнее богатым дефинитивным арсеналом ботаники и экологии в данном случае. Именно так развивались и ныне развиваются «научные языки» мира, начиная с греческого и латыни и кончая доминирующим сегодня в науке английским языком. Подтверждений этому множество. «Электрон», с которым сегодня ассоциируется не только умная физика и потрясающие глубины ее проникновения в мир, но и милые сердцу современного человека гаджеты (айфоны, айпады, смартфоны, телевизор, компьютер, интернет) по-гречески означает... янтарь. Почему? Потому, что стоит только слегка потереть янтарь шелковым платочком, тут же появляются электроны. Или вот еще один любимый герой физики – «протон». На том же греческом означает «первый» (он просто оказался первым из открытых физикой «тяжелых» частиц, вот и повод дать такое имя). А вот нейтрон получил «латинское имя», которое звучит мило, но довольно-

таки странное и даже не очень почтительное, если вслушаться. Ведь по латыни нейтрон означает «не то и не другое», «и не то, и не се», т.е. «не пойми, что».

Здесь впору вернуться к нашему словарю, его создатель профессор С.Х. Шхагапсоев предпринял масштабную попытку наречь кабардинскими именами около четырех тысяч единиц из безбрежного растительного мира (при том, что в большинстве кабардинских словарей насчитывается всего-то около 20 тысяч слов). Да, часть растительного мира, разумеется, давно, по ходу генезиса и развития адыгской культуры обрела таковые имена, которые стали органичными элементами кабардинской лексики. Однако любой, кто внимательно ознакомится с данным словарем, обнаружит, что не одна сотня – примерно до 300-500 (по нашим оценкам) из приведенных в данном словаре кабардинских наименований растений вводится в оборот впервые и с легкой руки автора (здесь, конечно, последнее слово за ботаниками, краеведами и филологами, которые наверняка откликнутся на это уникальное издание и продолжат наш анализ, не претендующий на статус вердикта). Иначе говоря, измерения уникальности данного словаря лежат не в сфере ботаники и экологии, коими занимается мировая наука, а именно в сфере культуры, образования, краеведения и природоохранной политики КБР. Этот словарь открывает простор для будущих пособий, учебников, вузовских спецкурсов, справочников по краеведению и туризму, уникальным брэндом которых могут стать трех язычное представление богатого растительного мира Кабардино-Балкарии. Но этот словарь также дает повод и основание филологам, лингвистам и культурологам к дискуссиям (к самым широким дискуссиям!). По какому вопросу? По поводу того, какой же стратегической линии держаться в наших заботах о родном языке. «Охранительной», то бишь беречь «чистоту» языка, не допускать «никаких новоязов в языке», или же сосредоточиться на трудной, кропотливой рецепции и «переваривании» чужеземных слов, несущих дух, смыслы, динамику и ритмику современного мира, современной науки и технологии (по возможности, разумеется)? Ведь так и действовали наши предки. Изобрели же кабардинцы в свое время «кхъухъ» (пароход), «кхъухъльтэ» (самолет), «къэуал» (ружье, винтовка), «кІэрахъуэ» (револьвер, пистолет) и многое другое.

Вот здесь наверняка последуют сомнения, возражения и даже скепсис по поводу «возможностей нашего скромного кабардинского языка». Но я предложил бы всем сомневающимся обратить внимание на латынь. Даже самый выдающийся из всех латинских словарей (легендарный словарь Э. Форчеллини) содержит лишь 90 тыс., а ходовые словари 40-50 тыс. слов, что вполне сравнимо с тем же кабардинским языком (у балкарского будет куда больше). Как же тогда латыни удалось на протяжении почти 15 веков оставаться монопольным языком европейской творческой мысли и науки при том, что у него был серьезный конкурент с очень богатой лексикой? Речь идет о греческом языке, в котором насчитывают около 5 миллионов слов! Ответ не является секретом, он хорошо известен. Дело в том, что латинский язык не только прост (чего, увы, не скажешь о кабардинском), а еще и очень «пластичен», легко приспосабливается к новым смыслам, вещам, идеям и находит им лаконичное выражение. Как ныне говорят он «креативен».

Между тем, нечто такое водится и за кабардинским языком. Оставим в стороне ныне изрядно подзабытый богатый арсенал иносказаний в кабардинском языке (предоставим это поэтам и влюбленным) и обратимся к абстракциям, что считается не самой сильной

стороной «малых этнических языков. Так вот, кабардинский язык имеет эквиваленты таких сложных и абстрактных понятий как «трэк, тренд, тенденция» или «идентичность» [2, 3]. В частности смысл идентичности эквивалентно (как нельзя лучше) выражает слово «щытыкIэ». А смысл понятийного ряда «трэк, тренд, тенденция» охватывается и передается своим «лъэужь» (хотя его порой переводят на русский язык как «след», что по меньшей мере является сильным упрощением). И наконец, пожалуй, не сыскать другого языка, который с такой легкостью может сотворить элегантно приветствие из любой ситуации, любого природного и житейского феномена, любого прецедента бытия, как это умеет кабардинский язык. Если на дворе трескучий мороз, последует задорное приветствие «Уая апщий!» (то бишь «с прелестным морозом вас!), а если жара и сушь затянулась, прозвучит оптимистично- ироничное «ГъуркI апщий» (мол и «сушь сей преодолеем»). А что касается самого расхожего «гуып апщий!» (если очень приблизительно, «благодать сему сбору людей!»), едва ли мы сыщем эквивалент этому приветствию хоть в каком-то языке, начиная с русского. А попытки его перевода на языки Запада может повлечь за собой даже обиды и скандалы (почему такое пожелание этому сбору людей? Вы сектант!? А вы не видите, что здесь нет афроамериканцев? А может, Вы имеете ввиду, что в нашем сборе не представлен ЛГБТ? Вы, наверное, русский традиционалист? И т.д и т.п.).

В этом контексте появление необычного словаря можно понимать и как некий укор коллегам, которые замыкаются в свои узкие предметные рамки, не ставят свои науки на службу своим родным языкам, используя в этих целях академические свободы и в современной России [4].

Так что давайте, поздравим профессора С.Х. Шхагапсоева с созданием уникального словаря, который является не только историческим национальным и культурным явлением, но и редким по значимости научно-методологическим импульсом к поиску новых путей и способов взаимодействия наук, а также наук и культур в интересах каждого этноса и во благо всего общества. Это в полной мере относится и к нашему университету, к его многогранной деятельности, к практикуемым им способам обеспечения компетентностного образования [5], к его стратегиям по развитию науки, культуры и технологий в регионе [6-8].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шхагапсоев С.Х.* Русско-кабардино-черкесско-латинская эколого- ботаническая терминология: вопросы классификации. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2021. 252 с.
2. *Тхагапсоев Х.Г., Мосолова Л.М. и др.* Идентичность как навигатор сознания // СПб.: Изд-во РГПУ, 2016. 170 с.
3. *Тхагапсоев Х.Г., Гатиатуллина Э.Р.* Идентичность: к проблемам методологии // Научная мысль Кавказа. 2010. № 4(64). С. 16-23.
4. *Тхагапсоев Х.Г.* К особенностям социального бытия современной России // Философские науки. 2007. № 9. С. 48-66.
5. *Тхагапсоев Х.Г.* Компетентностное образование: к проблеме воплощения // Высшее образование в России. 2013. № 6. С. 71-76.

6. *Кажаров А.Г., Тхагапсоев Х.Г., Якутлов М.М.* Магистратура в современном российском вузе: региональное измерение // Высшее образование в России. 2017. № 3. С. 101-108.
7. *Тхагапсоев Х.Г.* На путях в миражи? (к современным стратегиям развития образования) // Высшее образование в России. 2012. № 7. С. 21-29.
8. *Тхагапсоев Х.Г.* Университет: к стратегии движения за горизонт // Высшее образование в России. 2019. Т. 28, № 8-9. С. 83-90.

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of the three-lingual, russian-kabardino (circassian)-latin dictionary of systematization and codification of the plant world, created by S.Kh. Shkhagapsoev. It is noted that the dictionary is a precedent in scientific and translation practice, unique in cultural and linguistic dimensions; outlines a new approach to the modernization of ethnic languages and their development in modern conditions.

Keywords: botany, ecology, flora, three-lingual botanical dictionary, Russian-Kabardino-Latin dictionary of plant systematization.

© Kh.G. Tkhaqapsoev,
A.U. Paritov , 2021

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу трех язычного, русско-кабардино (черкесско)-латинского словаря систематизации и кодификации растительного мира, созданного С.Х. Шхагапсоевым. Отмечается, что словарь являет собой прецедент в научно-переводческой практике, уникален в культурологическом и лингвистическом измерениях; намечает новый подход к модернизации этнических языков и к их развитию в современных условиях.

Ключевые слова: ботаника, экология, растительный мир, трех язычный ботанический словарь, русско-кабардино-латинский словарь систематизации растительного мира.

© Х.Г. Тхагапсоев,
А.Ю. Паритов, 2021